

Мир засиял, и всю тень. какую себя сокрывает,
Сбросил он прочь, и поля смогли раскалиться под солнцем.
Титир и Алфесибей устремились поэтому в рощу,
Сами себя и стада убережь стараясь от зноя, –
В рощу, где ясень, платан и липы растут в изобилие.

10

Тут, пока на траве ложатся овцы и козы
В чаще лесной и пока свободно дышать начинают,
Титир по старости лет прилег, осененный листвою
Клена, и задремал, вдыхая запах снотворный;
Рядом стоял, опершись на корявую палку из груши,

15

Алфесибей и к нему обратился с такими словами:
«То, что мысли людей, – сказал он, – возносятся к звездам,
Где зародились они перед тем, как войти в наше тело;
То, что Каистр оглашать лебедям белоснежным отрадно,
Радуюсь ласке небес благодатных и долам болотным;

20

То, что рыбы морей, сочетаясь, моря покидают,
К устьям собираясь рек, где проходят границы Неря,
Что обагрят Кавказ тигрицы гирканские кровью;
То, что ливийский песок чешуей своей змеи взметают, –
Этому я не дивлюсь: свое ведь каждому люблю,

25

Титир; но я удивлен и диву даются со мною
Все пастухи на полях земли сицилийской, что Мопсу
Любо под Этною жить на скудных скалах Циклопов».
Только он кончил, как вдруг перед нами, совсем запыхавшись,
Стал Мелибей, и едва он способен сказать был: «О Титир!» –

30

Смех одолел стариков, что юноша так запыхался,
Точно сиканов, когда Сергест сорвался с утеса.
Старший седую тогда с зеленого голову дерна
Поднял и так обратился к нему, раздувавшему ноздри:
«О неумный юнец, по какой ты внезапной причине

35

Опрометью прибежал, своих легких в груди не жалея?»